ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.8
УДК 331.5.024.5
JEL J46, J48

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Особенности международного регулирования деятельности самозанятых в ЕАЭС[1]

Виктория В. МОСЕЙКО
Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Российская Федерация

Для цитирования: Мосейко, В. В. (2025). Особенности международного регулирования деятельности самозанятых в ЕАЭС. *AlterEconomics, 22*(3), 527–542.
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.8

Аннотация. Развитие евразийской интеграции идет по нескольким направлениям, одним из которых служит создание единого рынка труда. На пути его становления существует ряд трудностей, касающихся легализации быстро развивающихся новых форм занятости, неурегулированных нормами национального и наднационального права: дистанционная занятость, платформенная занятость, самозанятость. Статья посвящена рассмотрению возможности и ограничениям осуществления самозанятости трудовыми мигрантами из стран ЕАЭС на рынке труда интеграционного объединения. Автор исследовал феномен самозанятости, провел его сравнительный анализ с предпринимательством и трудовой деятельностью по найму; выявил особенности осуществления самозанятости в условиях регионализации и обосновал трудности реализации на рынках стран ЕАЭС и общем рынке евразийского объединения. Исследования институтов самозанятости осуществлялись с применением исторического и сравнительно-правового метода; особенности правового статуса самозанятого на рынке труда ЕАЭС выявлены на базе формально-юридического подхода. В качестве вывода отмечается наличие сложности гармоничного развития законодательства о самозанятости из-за существенных институциональных различий в странах ЕАЭС, которая обусловливает необходимость разработки статуса самозанятого для мигрантов при сохранении автономных возможностей для национального регулирования самозанятости в таких сферах, как налогообложение, социальное обеспечение и страхование, или использование отдельных норм трудового права в регулировании самозанятости.

Ключевые слова: самозанятость, самозанятые, институционализация самозанятости, самозанятые в странах ЕАЭС, самозанятые на рынке ЕАЭС

[1] © Мосейко В. В. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

International Regulation of Self-Employment in the EAEU: Opportunities and Limitations

Victoria V. MOSEIKO
Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russian Federation

For citation: Moseiko, V. V. (2025). International Regulation of Self-Employment in the EAEU: Opportunities and Limitations. *AlterEconomics, 22(*3), 527–542. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-3.8

Abstract. This article explores the possibilities and constraints of self-employment among labor migrants from EAEU member states in the common labor market. The study examines the economic and legal nature of self-employment, identifies the institutional features of its development in an integrated market, and analyzes national approaches to its regulation across the EAEU. A comparative framework is applied to distinguish self-employment from both entrepreneurship and wage labor. The analysis draws on the historical and comparative legal methods to study institutions of self-employment, while deduction, synthesis, and the formal legal method are used to assess the legal status of the self-employed in the EAEU labor market. Statistical methods are employed to evaluate migration dynamics. The findings demonstrate that EAEU countries have adopted distinct approaches to formalizing and institutionalizing self-employment, which complicates harmonization efforts. While self-employment offers an alternative form of labor activity, its implementation in the national and common EAEU markets remains limited. Significant institutional differences hinder the development of unified regulatory standards. The study shows that labor migrants from EAEU countries face considerable restrictions in accessing self-employment opportunities. It is argued that the establishment of international mechanisms for regulating self-employment at the EAEU level could accelerate institutionalization processes at the national level and foster future legal harmonization. By highlighting the interplay between national regulation and supranational integration, this article contributes to understanding the challenges and prospects of self-employment in the EAEU labor market.

Keywords: self-employment, self-employed, institutionalization of self-employment, self-employed in EAEU countries, self-employed in EAEU labor market

1. Введение

Развитие евразийской интеграции идет по нескольким направлениям. Одним из важнейших является создание единого рынка труда. На пути его становления существует ряд трудностей, среди них: быстрое развитие новых форм занятости, неурегулированных нормами национального и наднационального права (дистанционная занятость, платформенная занятость, самозанятость).

Цель данной работы — рассмотреть институты самозанятости в странах ЕАЭС и исследовать особенности правового статуса самозанятого на рынке ЕАЭС.

В последние годы в странах ЕАЭС были приняты меры по формализации самозанятости. Среди наиболее значимых следует отметить налоговые эксперименты в России, Казахстане и Беларуси по регулированию самостоятельной деятельности. Осмысление этих вопросов нашло отражение в академических работах экономистов и юристов (Анисимов, 2024; Бозиев, 2023; Мосейко, Головацкая, 2025; Ryabova & Machekhin, 2022).

В условиях формирования общего рынка ЕАЭС актуализируются вопросы об институционализации самозанятости на пространстве ЕАЭС. Вопросам международного регулирования нестандартной занятости сегодня посвящается всё больше работ. Главным образом исследуются юридические аспекты реализации самозанятости: стандарты МОТ (Курсова, 2021); особенности правового регулирования трудовой миграции (Кириленко и др., 2022), в т. ч. в отдельных регионах мира (Дзюбак, Чуча,

2024; Jones, 2016); свободы, обеспечивающие трудовую миграцию (Ищенко, 2024; Пономарева, 2020); опыт ЕС (Цветков, 2025). В последнее время стали появляться работы, исследующие особенности самозанятости на пространстве ЕАЭС (Сараков, 2024) и СНГ (Тихонова, 2021); проводится сравнительный анализ регулирования трудовой миграции в ЕС и ЕАЭС (Ищенко, 2024; Пономарева, 2020). Экономисты в меньшей степени уделяют внимание вопросам институционализации самозанятости на пространстве ЕАЭС. Данная статья призвана устранить этот пробел.

2. Материалы и методы

В последнее время обращается внимание на необходимость развития и совершенствования международного права ЕАЭС посредством принятия трудового кодекса ЕАЭС (Сараков, 2024, с. 160–161); разработки международного налогового кодекса, где будет применен единый подход к определению самозанятости (Тихонова, 2021, с. 94) для снижения безработицы в ЕАЭС (Сараков, 2024, с. 160), легализации доходов неформально занятых мигрантов, определения их правового статуса. Вместе с тем неисследованными остаются вопросы гармонизации законодательства, регулирующего нестандартную занятость.

Работа опирается на международное законодательство ЕАЭС, национальное законодательство стран ЕАЭС, регулирующее самозанятость; рассматриваются научные труды, посвященные вопросам развития института самозанятости; анализируется опыт национального регулирования самозанятости за рубежом, а также международное регулирование самостоятельной деятельности мигрантов.

Фактографической базой исследования являются статистические данные, представленные Евразийской экономической комиссией.

Работа представляет собой междисциплинарное исследование, объединяющее юридический и экономический подходы к исследованию самозанятости на общем рынке ЕАЭС.

3. Результаты

3.1. Феномен самозанятости на рынке труда

Самозанятость многолика и представляется через неформальную занятость[1], нестандартную занятость[2], вторичную и / или эпизодическую занятость и т. д. На разных рынках с точки зрения их институциональных особенностей самозанятость выполняет множество задач (Митрофанова, Чернова, 2022, с. 57) в диапазоне от творческого самовыражения, самореализации и смены традиционного наемного труда внеорганизационными формами занятости (Шевчук, 2008) до средства к выживанию (Dercon, 2009).

Всё это осложняет определение ее границ и учет лиц, занимающихся самостоятельной деятельностью. К настоящему времени сложилось множество подходов к определению и учету самозанятости.

---

[1] International Labour Organization. (2003). *Report of the Conference. XVII International Conference of Labour Statisticians*. https://webapps.ilo.org/public/english/standards/relm/gb/docs/gb289/pdf/icls-17.pdf (дата обращения: 05.03.2025).

[2] OECD. (2019). *Pensions at a Glance 2019: OECD and G20 Indicators* (pp. 65–98.). Paris: OECD Publishing.

Среди них подход МОТ, который к самозанятым относит: индивидуальных предпринимателей (ИП), не использующих наемный труд, предпринимателей некорпоративного бизнеса, использующих наемный труд, членов производственных кооперативов и неоплачиваемых работников семейных предприятий[1]. В национальных экономиках обычно применяются оригинальные способы определения самозанятости через виды и характер деятельности, размер получаемого дохода, уплату налога и др. Так, в соответствии с Директивой ЕС 2010/41/ЕС самозанятыми являются все лица, осуществляющие приносящую доход деятельность за свой счет и на условиях, установленных национальным законодательством[2].

В исследовательских целях применяются доктринальные определения самозанятости, которые акцентируют внимание главным образом на таких признаках, как независимость и отказ от иерархических отношений (Анисимов, 2024, с. 79; Грабова, Суглобов, 2017, с. 109). Вместе с тем остается нерешенным вопрос относительно природы самозанятости, который имеет самое важное значение для ее правового регулирования.

3.2. Самозанятость: право на труд vs право на предпринимательскую деятельность

В экспертном сообществе идет непрекращающаяся дискуссия об экономико-правовой природе самозанятости. Наиболее сложным является определение характера самостоятельной деятельности, которая рассматривается в диапазоне от индивидуального предпринимательства (Макеев, 2018) до трудовых отношений (Анисимов, 2024).

Представляя самозанятость как деятельность, основанную на личном трудовом участии (Грабова, Суглобов, 2017, с. 109), подчеркивается, что она осуществляется без работодателя и наемных работников: самозанятый одновременно выполняет обе роли (Анисимов, 2024, с. 79). Вместе с тем самозанятые не имеют ограничений в рабочем времени; ежегодного оплачиваемого отпуска; оплаты за сверхурочную работу. С этих позиций невозможно рассматривать самозанятость через традиционные трудовые отношения.

Самозанятость нередко представляется как индивидуальная предпринимательская деятельность (Грабова, Суглобов, 2017, с. 110; Макеев, 2018, с. 150). Однако и с таким подходом согласны далеко не все эксперты. В работах (Крюкова, Рузанова, 2018; Полуян, 2024) предлагается разграничивать понятия «индивидуальное предпринимательство» и «самозанятость»; подчеркивается невозможность использовать категорию «прибыль» в отношении доходов самозанятых (Костюк, 2017); отмечается наличие ограничений для самозанятых граждан, связанных с размерами получаемых доходов, невозможностью привлечения третьих лиц и заключения с ними трудовых договоров, что, как правило, имеет место среди предпринимателей (Бармина, Тататринов, 2025).

---

[1] International Labour Organisation. (1983). *The thirteenth international conference of labour statisticians (Geneva, 18–29 October 1982)*. Geneva: ILO. https://webapps.ilo.org/public/libdoc/ilo/1982/82B09_651_engl.pdf (дата обращения: 06.03.2025).

[2] Directive 2010/41/EU of the European Parliament and of the Council of 7 July 2010 on the application of the principle of equal treatment between men and women engaged in an activity in a self-employed capacity and repealing Council Directive 86/613/EEC. https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/41/oj/eng (дата обращения: 14.03.2025).

Есть и третья позиция, которая сводит самозанятость к промежуточному состоянию между наемным трудом и предпринимательством (Грабова, Суглобов, 2017, с. 110; Покида, Зыбунская, 2019) и, следовательно, позволяет использовать инструменты из сферы наемного труда и предпринимательства. Сравнительный анализ самозанятости, предпринимательства и наемного труда представлен в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, самозанятость по своей природе в большей степени приближена к предпринимательству.

Определение характера самозанятости имеет важное прикладное значение и сводится к выбору отрасли права, регулирующей самостоятельную деятельность на национальном уровне, а также к реализации конкретных свобод на наднациональном уровне.

Таблица 1

Сравнительный анализ самозанятости, предпринимательства и трудовых отношений

Table 1

Comparative Analysis of Self-Employment, Entrepreneurship and Labor Relations

Критерии для сравнения	**Вид занятости**		
	Самозанятость	**Предпринимательство**	**Трудовые отношения между работодателем и работников**
Форма дохода	Доход от самостоятельной деятельности	Прибыль	Заработная плата
Право иметь наемных работников	Нет[1]	Возможно использование наемного труда	Да
Принятие решений	Независимость от других субъектов	Независимость от других субъектов	В рамках должностных инструкций и предоставленных работодателем возможностей
Ответственность за выполненные работы / оказанные услуги	Личная	Личная	Субсидиарная, отвечает перед своим работодателем в рамках трудового договора
Риски, связанные с деятельностью	Личный риск	Предпринимательский риск	Риск увольнения
Гарантии, предусмотренные трудовым законодательством	Нет	Нет	Да
Организация рабочего места / процесса	За счет самозанятого	За счет предпринимателя	За счет работодателя
Стандарты и нормирование рабочего времени и отдыха	Отсутствуют	Отсутствуют	Установлены трудовым законодательством и трудовым договором
Участие в социальном обеспечении и страховании	Ограниченное	Ограниченное	В полной мере

[1] В законодательствах некоторых стран наемный труд для самозанятых допустим, однако это противоречит самой сути самостоятельной деятельности.

Источник: сост. автором.

3.3. Особенности институционализации самозанятости мигрантов в интеграционных объединениях

В условиях регионализации институционализация самозанятости сталкивается со следующими трудностями.

Во-первых, свобода передвижения в условиях регионализации, которая трактуется как право иностранного работника трудиться в рамках того же правового режима, что и граждане данного государства (Пономарева, 2020, с. 197), предполагает равенство прав и возможностей на рынке труда регионального блока и обеспечивает недискриминацию в трудовых отношениях, требует уточнения в отношении самозанятых. Например, в ЕС право на передвижение работников в широком смысле распространяется не только на трудовые отношения[1], но и право учреждения. Некоторые ученые рассматривают данную свободу шире, включая сюда и свободу лиц, занимающихся предоставлением услуг (Ищенко, 2024). Неопределенность природы самозанятости заставляет задуматься о правовом статусе самозанятого: как трудового мигранта или как предпринимателя и, соответственно, механизмах регулирования.

Дифференцированный подход отраслевого регулирования самозанятости препятствует процессам гармонизации законодательства общего рынка. Зарубежный опыт выявляет существование трех подходов: самозанятости как трудовых отношений (Франция, США, Канада); как гражданско-правовых отношений (Япония, Китай) (Забелина, Сергеева, 2023); а также гибридного (ЕС), когда происходят отдельные вкрапления трудовых прав в гражданско-правовую конструкцию (Курсова, 2021, с. 112).

Во-вторых, в условиях развития цифровизации экономики требуется разработать правила для дистанционной и платформенной самозанятости, которая может осуществляться (гражданами и / или иностранными гражданами, резидентами и / или нерезидентами) из-за рубежа или для зарубежных контрагентов. Проблема главным образом заключается в выборе между предоставлением такой возможности и протекционизмом.

Одновременно существуют различия в трактовке платформенной занятости, дистанционной занятости и соотношении этих понятий с предпринимательством, наемным трудом и самозанятостью. Например, водители интернет-платформ по заказу такси в Нидерландах и Испании признаются наемными работниками платформ, но во Франции такие лица являются самозанятыми; курьеры служб доставки еды в Нидерландах, Испании, Италии, Франции признаются наемными работниками, но в Ирландии они являются самозанятыми; в Финляндии и Швеции имеется тенденция к признанию их отношений трудовыми (Цветков, 2025).

В-третьих, налоговое законодательство является суверенной сферой национальных государств, состоящих в интеграционных объединениях (Пономарева, 2020, с. 186), а это значит, что различия в правовом статусе самозанятых могут сохраняться очень долго даже при высокой степени гармонизации и координации законодательства. В странах ЕС единые правила налогообложения самозанятых отсутствуют (Пьянова, 2022; Ponkratov et al., 2020, p. 2385; Eurofound, 2024).

[1] Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the Europe Union. (2012). Official EN Journal of the European Union; Regulation (EU) No. 492/2011 of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on Freedom of Movement for Workers within the Union. (2011). Official Journal of the European Union (pp. 1–12).

В-четвертых, существует проблема учета и распространения социальных прав (право на медицинские услуги, право на пенсии и пособия и т. д.). Пандемия COVID-2019 актуализировала вопросы распространения социальной защиты и социального страхования. В ходе проведенного обследования в странах ЕС было выявлено, что в 11 странах на самозанятых не распространяется страхование от безработицы, в 5 — обязательное медицинское страхование, а в 14 государствах — страхование от несчастных случаев на производстве (Eurofound, 2024, p. 2). Обострение социальных проблем в условиях пандемии COVID-2019 привело к принятию Рекомендации «О доступе к социальной защите для работников и самозанятых»[1].

В-пятых, следует учитывать фактическую сторону трудовой миграции. Понимая, что страны делятся на две группы: доноры и реципиенты и они одновременно могут быть представлены в межстрановом объединении, нужно учитывать различия в их интересах. Например, в странах Персидского залива наем трудовых мигрантов определен правовой системой Кафала, суть которой сводится к заключению трудового контракта между трудовым мигрантом и работодателем еще до приезда в страну (Jones, 2016, p. 7). В работе (Дзюбак, Чуча, 2024) такую форму предлагается использовать для трудовых мигрантов в сферах платформенного бизнеса.

3.4. Регулирование самостоятельной деятельности в странах ЕАЭС

В 2021 г. на долю самостоятельно занятых в ЕАЭС, учтенных в соответствии с методологией МОТ, приходилось 7,6 % численности занятого населения. При этом в Армении она составила 30,7 %, в Беларуси — 3,8 %, в Казахстане — 22,1 %, Кыргызстане — 26,6 % и в России — 5,1 %[2]. Эти цифры подтверждают актуальность регулирования самостоятельной деятельности в странах ЕАЭС.

Становление и развитие национальных институтов самозанятости определяется особенностями национальных рынков труда (Гончаренко, Адвокатова, 2020, с. 136) и сложностями администрирования доходов самозанятых[3].

Легальные определения «самозанятости», «самозанятых» отсутствуют во всех пяти странах ЕАЭС. В Армении самозанятость регулируется в части института микропредпринимательства[4], в Казахстане — индивидуального предпринимательства (Мосейко, Головацкая, 2025). В Кыргызстане самозанятость трактуется через индивидуальную трудовую деятельность и индивидуальную предпринимательскую деятельность[5]. В России самозанятость рассматривается как индивиду-

[1] Council Recommendation of 8 November 2019 on access to social protection for workers and the self-employed. (2019). *Official Journal of the European Union*. https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019H1115(01)&rid=8 (дата обращения: 25.05.2025).

[2] Евразийская экономическая комиссия. (2022, 24 октября). *О рынке труда в Евразийском экономическом союзе. 2021*. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/labourmarket_2021.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

[3] PwC. (2020). *Paying Taxes*. https://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/pdf/pwc-paying-taxes-2020.pdf (дата обращения: 06.03.2025).

[4] Налоговый кодекс Республики Армения от 04.10.2016 НО-165-N (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11 апреля 2024 года НО-145-N). https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173427 (дата обращения: 14.05.2025).

[5] Ст. 416 Налогового кодекса Кыргызской республики от 18 января 2022 года (в редакции Законов Кыргызской Республики от 30 июня 2022 года № 51, 3 апреля 2023 года № 78, 2 февраля 2024 года № 31, 23 июля 2024 года № 136, 12 февраля 2025 года № 37). https://sti.gov.kg/stsStorage/websti/2025/2/26/stidocument_0aa42c47-4646-466f-9de6-c459cd2138a4.pdf (дата обращения: 14.05.2025).

альная профессиональная деятельность. В Беларуси существуют два налоговых режима. Первый предполагает уплату профессионального налога за определенные виды деятельности, разрешенные для осуществления в качестве самостоятельной профессиональной деятельности (Бозиев, 2023, с. 174)[1]. Второй налоговый режим сводится к уплате единого налога ИП и физическими лицами (ФЛ) при осуществлении самостоятельной профессиональной деятельности по реализации потребителям товаров, а также по выполнению работ (оказанию услуг)[2]; эти виды деятельности осуществляются для потребителей, приобретающих или использующих товары (работы, услуги) исключительно для личных, бытовых, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Деятельность, рассматриваемая как самостоятельная, во всех странах ЕАЭС может осуществляться ФЛ без регистрации ИП или ИП.

В Армении определены конкретные виды деятельности, которые могут осуществлять ФЛ без регистрации ИП. В Беларуси налоговый режим для самозанятых главным образом распространяется на ФЛ, но уплата единого налога возможна также ИП. В Казахстане с 1 января 2024 г. всем самозанятым было предложено перерегистрироваться в ИП, однако сохраняется возможность осуществления самостоятельной деятельности без регистрации ИП[3]: когда годовой доход самозанятого меньше 12 МЗП (минимальных заработных плат) и у него нет наёмных работников; когда доход выше 12 МЗП в год и он получен благодаря аренде имущества или из источников за пределами Казахстана (Мосейко, Головацкая, 2025). В Кыргызстане предусмотрен налог на основе патента для ФЛ, существуют ограничения по видам деятельности и объему дохода. В России самостоятельную профессиональную деятельность могут осуществлять как ФЛ, так и ИП. Однако нельзя совмещать уплату налога на профессиональный доход с упрощенной системой налогообложения и другими спецрежимами, а также с уплатой НДФЛ по другим видам предпринимательской деятельности.

Самозанятость в странах ЕАЭС регулируется не трудовым, а гражданским правом. Вопрос о распространении статуса самозанятого на мигрантов из стран ЕАЭС решается по-разному в странах ЕАЭС.

В Армении и Кыргызстане всем иностранным гражданам разрешено заниматься предпринимательской деятельностью.

Российский законодатель выбрал подход, основанный на гражданстве. В качестве самозанятых могут зарегистрироваться граждане РФ, ЕАЭС и Украины[4]. Граждане ЕАЭС имеют те же обязанности и привилегии, что и россияне, в т. ч. право на налоговый вычет в размере 10 тыс. руб.[5] Такой подход исключает иностранных

---

[1] Приложение 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 № 457 «О видах индивидуальной предпринимательской деятельности» (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 30.08.2024 № 637). https://nalog.gov.by/professional_income_tax/ (дата обращения: 17.01.2025).

[2] Ст. 337 Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-З (с изм. и доп. от 13 декабря 2024 г. № 47-З). https://nalog.gov.by/tax_code/ (дата обращения: 17.01.2025).

[3] П. 3 ст. 35. Предпринимательского кодекса от 29 октября 2015 года № 375-V (с изм. от 10.06.2025). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375 (дата обращения: 17.01.2025).

[4] Ст. 5 Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018. *СПС Консультант-Плюс*.

[5] ФНС. (2019, 06 января). *ФНС России разъяснила, как граждане ЕАЭС могут стать самозанятыми*. https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/8261361/ (дата обращения: 11.03.2025).

граждан других государств из возможности быть самозанятым. Вместе с тем высказываются предложения о распространении данной практики на граждан других иностранных государств (Ryabova & Machekhin, 2022), особенно стран-кандидатов на вступление в ЕАЭС.

В Беларуси и Казахстане законом предусмотрены ограничения для иностранных граждан, занимающихся самостоятельной деятельностью. Законодательство Беларуси позволяет осуществлять определенные виды самостоятельной деятельности иностранным гражданам, но не более 5 дней в месяц. Законодательство Казахстана распространяет право на занятие предпринимательской деятельностью только на граждан Казахстана.

4. Обсуждение

Согласно экспертной оценке Внешэкономбанка, общий рынок труда в ЕАЭС реализован от заданного Договором о ЕАЭС уровня более чем на 70 %. Среди проблем отмечаются временной разрыв между развитием новых форм занятости и созданием правовой базы для их регулирования и, следовательно, вероятность рисков для всех субъектов трудовых правоотношений в ЕАЭС[1]. Отсюда актуальным является определение круга лиц, на которых распространяется право на передвижение.

Согласно ст. 97 Договора о ЕАЭС[2], работодатели государства-члена вправе привлекать к трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. В п. 5 ст. 96 Договора дано определение «трудящийся государства-члена», под которым понимается «лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает».

Обращаем внимание, что в Договоре о ЕАЭС одновременно с понятием «трудящийся» используются также «трудовые ресурсы» (ст. 4), «рабочая сила» (ст. ст. 1, 2). Среди юристов распространено мнение, что право передвижения распространяется только на трудящихся и членов их семей (Ищенко, 2024).

Вместе с тем Договор о ЕАЭС расширил понятие трудовой деятельности, включив возможность работать не только по трудовому, но и по гражданско-правовому договору выполнения работ или оказания услуг (п. 5. ст. 96 Договора), а в законодательстве Кыргызстана, к примеру, самозанятость трактуется в том числе через индивидуальную трудовую деятельность. Всё сказанное заставляет задуматься о возможности распространения свободы перемещения на самозанятых.

В юридической литературе поднимаются вопросы о необходимости гармонизации миграционного законодательства в праве ЕАЭС прежде всего в отношении найма квалифицированных специалистов (Кириленко и др., 2022). Однако в условиях существования нестандартных форм занятости также следует обратить внимание на проблему правового статуса самозанятых.

Нужно установить: является ли самозанятость трудовой деятельностью; как соотносятся между собой понятия «самозанятый» и «трудящийся»; распространя-

[1] Евразийская экономическая комиссия. (2023, 28 ноября). *В ЕАЭС задача обеспечения свободы передвижения рабочей силы решена в значительной степени*. https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-zadacha-obespecheniya-svobody-peredvizheniya-rabochey-sily-reshena-v-znachitelnoy-stepeni/ (дата обращения: 21.05.2025).

[2] Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 г. *СПС Консультант-Плюс*.

ется ли право передвижения на самозанятых. Возможно, законодатель пойдет по пути регулирования деятельности самозанятых через свободу оказания услуг (однако в этом случае за границами правового регулирования окажутся самозанятые, выполняющие работы) или свободу учреждения в случае, когда самозанятость приравнивается к предпринимательству. Н.Г. Ищенко (2024) подчеркивает, что основным критерием разграничения свободы предоставления услуг от свободы движения рабочей силы является отсутствие отношений подчинения между поставщиком и получателем услуг, что вызывает сомнение. Думаем, что отношения подчинения, равно как и их отсутствие, возможны как при оказании услуг, так и при выполнении работ, а вышеуказанный критерий является одним из разграничений между самозанятостью и наемным трудом.

Простота регистрации и уплаты налогов, обеспеченная современными цифровыми технологиями, может позволить индивидам выполнять работы / оказывать услуги из-за рубежа и / или зарубежным физическим и юридическим лицам. Однако это также требует правового регулирования, в частности, необходимо определить: можно ли уехать за границу и сохранить в своей стране статус самозанятого; можно ли самозанятому за границей работать с иностранными заказчиками; можно ли самозанятому в своей стране работать с иностранными заказчиками.

В законодательстве стран ЕАЭС намечены лишь общие правила, которые применительно к данным ситуациям требуют разъяснения. Например, в Армении налоговые резиденты Армении уплачивают налог с доходов от источников в Армении и за ее пределами; нерезиденты Армении уплачивают налог с доходов от источников в Армении (ст. 141 Налогового кодекса Республики Армения). Эти нормы, впрочем, не раскрывают возможностей и ограничений для микропредпринимателей.

В Беларуси пунктом 16 перечня самостоятельной профессиональной деятельности отнесено выполнение работ (оказание услуг) вне места нахождения заказчика, территории или объекта, находящихся под контролем заказчика, с использованием глобальной компьютерной сети Интернет для выполнения таких работ[1]. Однако не сказано, может ли выполнение работ (оказание услуг) производится вне территории Беларуси.

Российские юристы разъясняют указанные проблемы так: налоговая служба РФ не осуществляет мониторинг уехавших самозанятых, поэтому уплата налога на профессиональный доход при выполнении работ / оказании услуг заказчикам из России возможна; при выполнении работ / оказании услуг иностранным заказчикам следует платить налог по правилам страны проживания[2]; в России самозанятый имеет возможность работать с иностранными заказчиками[3].

Пунктом 3 ст. 35 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан установлено, что допускается деятельность без регистрации ИП, когда доход получен из источников за пределами Казахстана.

В Кыргызстане используемая патентная система и слабая цифровизация экономики ограничивают возможности для дистанционной деятельности самозанятых. Общим правилом является то, что патент может быть приобретен налогоплатель-

[1] Приложение 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 № 457.

[2] Дыбов, А. (2024, 01 апреля). Можно ли оставаться самозанятым в России при переезде в другую страну? *Бизнес-секреты*. https://secrets.tbank.ru/voprosy-otvety/pereezd-samozanyatogo/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F&internal_source=copypaste (дата обращения: 12.05.2025).

[3] Письмо Минфина РФ от 05.09.2019 № 03-11-11/68560. *СПС Консультант-Плюс*.

щиком в налоговом органе по месту осуществления предпринимательской деятельности и патент действителен только на той территории, где был выдан (ст. 413 Налогового кодекса Кыргызской республики).

В последние годы активно развивается платформенная занятость, которая осуществляется на цифровых платформах или с их помощью, однако на сегодняшний момент она практически не регулируется законодателем. При этом в таких сегментах платформенной занятости, как такси или доставка, существенную долю работников часто составляют именно мигранты.

Установление налогового режима для самозанятых считается важным в целях легализации деятельности (Грабова, Суглобов, 2017; Покида, Зыбунская, 2019), и обособление его от налоговых режимов наемных работников и / или предпринимателей является правильной мерой на пути отделения самостоятельной деятельности от других способов получения доходов.

Из пяти стран ЕАЭС только в трех: в Беларуси с 2023 г., Казахстане в 2019–2023 гг. и России в 2019–2028 гг. — были предприняты попытки создания институтов самозанятости с самостоятельными налоговыми режимами; в Армении и Кыргызстане деятельность самозанятых встроена в институт предпринимательства; по пути синхронизации самозанятости и предпринимательства пошел Казахстан с 2024 г. Отличительной особенностью практики в Кыргызстане является использование налогообложения самозанятых, основанного на вмененном подходе, что объясняется институциональными особенностями экономики.

Вопрос о распространении социальной защиты на самозанятых в странах ЕАЭС так же решается по-разному. Организация социального обеспечения и страхования связана с институциональными особенностями экономики, этапом регламентации самозанятости на национальном уровне и ресурсным обеспечением, поэтому различается в странах ЕАЭС.

Таблица 2

Сальдо международной миграции со странами ЕАЭС (чел.)

Table 2

Balance of International Migration with the EAEU Countries (people)

Годы	Страны ЕАЭС				
	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
2016	Нет данных	1559	–26253	–4452	62293
2017	Нет данных	574	–28158	–4067	77860
2018	Нет данных	1247	–32746	–539	57043
2019	25	3690	–36451	–5946	95664
2020	–43	Нет данных	–21318	–5147	6590
2021	–567	Нет данных	–22983	–1999	151525
2022	3895	Нет данных	–13053	3949	–22638
2023	2926	Нет данных	785	7549	27318

Источник: сост. автором по данным ЕЭК[1].

[1] Евразийская экономическая комиссия. (2021). *Статистический ежегодник Евразийского экономического союза*. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2021.pdf (дата обращения: 29.05.2025); Евразийская экономическая комиссия. (2024). *Статистический ежегодник Евразийского экономического союза*. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2024.pdf (дата обращения: 29.05.2025).

Отсюда следует признать, что сферы налогообложения и социальной защиты самозанятых представляются наиболее проблемными для процессов гармонизации и поэтому вряд ли будут всерьез рассматриваться законодателем в ближайшее время.

Потоки миграции в ЕАЭС разнонаправлены, это видно из таблицы 2. Все страны Союза должны быть заинтересованы в легализации деятельности мигрантов в целях налогообложения; и для закрепления правового статуса мигранта на рынке труда ЕАЭС и / или рынка труда страны ЕАЭС.

5. Выводы

В экономической науке до сих пор не разрешен вопрос о природе самозанятости. Элементарное сопоставление базовых признаков самозанятости, предпринимательства и наемного труда показывает наибольшую близость самозанятости к предпринимательству.

Отсюда выбор законодателя из стран ЕАЭС регулировать самозанятость нормами гражданского и предпринимательского права представляется верным. В настоящее время в странах ЕАЭС предпринимаются попытки для легализации самозанятости. Правовой статус самозанятых в странах ЕАЭС находится на этапе становления и, по всей видимости, будет претерпевать изменения.

В самом ЕАЭС вопрос об унифицированном регулировании самозанятости в масштабах единого рынка труда пока не решен. Возможно, что процесс институционализации самозанятости можно было бы осуществить сверху вниз, не дожидаясь, пока страны ЕАЭС сформируют принципиально разные подходы. Это позволит облегчить процесс гармонизации законодательства о самозанятости в будущем.

Вместе с тем остаются сложные нерешенные вопросы относительно распространения миграционного законодательства на самозанятых. Проведенный анализ показал, что процесс институционализации самозанятости в ЕАЭС следует начать с ее определения и разграничения с предпринимательством и трудовой деятельностью, а также дистанционной и платформенной видами занятости.

Следующим шагом может стать разработка статуса самозанятого для мигрантов из стран ЕАЭС при сохранении автономных возможностей для национального регулирования самозанятости в некоторых сферах, например, в части налогообложения, социального обеспечения и страхования или использовании отдельных норм трудового права в регулировании самозанятости.

Список источников

Анисимов, Р. И. (2024). Динамика занятости в России (2018 — середина 2023 г.). *Социологические исследования,* (1), 73–84. https://doi.org/10.31857/S0132162524010078

Бармина, О. Н., Татаринов, А. А. (2025). Самозанятые граждане России: смежные проблемы в сфере труда и предпринимательства. *Юрист,* (1), 56–60. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2025-1-56-60

Бозиев, Р. М. (2023). Налогообложение доходов самозанятых в Республике Беларусь. *Актуальные проблемы российского права, 18* (1), 172–182. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182

Гончаренко, Л. И., Адвокатова, А. С. (2020). Налог на профессиональный доход: риски и потенциал. *Экономика. Налоги. Право, 13* (5), 131–140. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-5-131-140

Грабова, О. Н., Суглобов, А. Е. (2017). Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления. *Экономика. Налоги. Право, 10* (6), 108–116.

Дзюбак, А. В., Чуча, С. Ю. (2024). Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели. *Закон,* (3), 27–37. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37

Забелина, О. В., Сергеева, М. В. (2023). Международный опыт нормативно-правового регулирования самозанятости. *Экономика труда, 10* (3), 357–370. https://doi.org/10.18334/et.10.3.117229

Ищенко, Н. Г. (2024). Свобода предоставления услуг, свобода учреждения и свобода движения рабочей силы в праве Евразийского экономического союза. *Международное право и международные организации,* (3), 37–50. https://doi.org/10.7256/2454-0633.2024.3.33900

Кириленко, В. П., Алексеев, Г. В., Чаава, М. З. (2022). Международная защита прав трудящихся-мигрантов и миграционное законодательство. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 16* (2), 84–94. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-84-94

Костюк, И. В. (2017). Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан. *Российский журнал правовых исследований,* (2(11)), 202–206. http://dx.doi.org/10.17816/RJLS18339

Крюкова, Е. С., Рузанова, В. Д. (2018). Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий. *Законы России: Опыт, анализ, практика,* (3), 21–26.

Курсова, О. А. (2021). Методы правового регулирования нетрадиционной занятости: ориентиры МОТ и опыт зарубежных стран. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования, 7* (2), 106–121. https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-2-106-121

Макеев, П. А. (2018). Самозанятость в России: теоретическое определение, практическое измерение и законодательное регулирование. *ЭКО,* (11), 148–157. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-11-148-157

Митрофанова, И. В., Чернова, О. А. (2022). Самозанятость как социально-экономическое явление: влияние на устойчивость регионального развития. *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика,* 24(1), 55–67. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.1.6

Мосейко, В. В. (2024). Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 18* (2), 63–74. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-63-74

Мосейко, В. В., Головацкая, В. С. (2025). Развитие институтов самозанятых в Казахстане и России. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 19* (1), 44–55. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-44-55

Покида, А. Н., Зыбунская, Н. В. (2019). Самозанятость на российском рынке труда. *Социально-трудовые исследования,* (3), 18–29. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29

Полуян, Д. А. (2024). О предпринимательском характере деятельности самозанятых. *Журнал предпринимательского и корпоративного права.* (4(36)), 19–24.

Пономарева, К. А. (2020). Основные свободы и их влияние на режим налогообложения прибыли и доходов в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе. *Право. Журнал Высшей школы экономики,* (3), 185–206.

Пьянова, М. В. (2022). Зарубежный опыт налогового регулирования самозанятости. *Налоги и налогообложение,* (2), 47–71. https://doi.org/10.7256/2454-065X.2022.2.37727

Сараков, А. А. (2024). О правовом регулировании трудовых отношений с самозанятыми стран-участников ЕАЭС. *Государственная служба и кадры,* (2), 159–163. https://doi.org/10.24412/2312-0444-2024-2-159-163

Тихонова, А. В. (2021). Ключевые вопросы налогообложения самозанятых в странах СНГ. *Финансовый журнал, 13* (6), 81–97. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-81-97

Цветков, В. В. (2025). Инициатива ЕС по правовому регулированию труда работников цифровых платформ. *Трудовое право в России и за рубежом,* (1), 45–48. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-1-45-48

Шевчук, А. В. (2008). Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы. *Экономическая социология, 9* (1), 51–64.

Dercon, S. (2009). Rural Poverty: Old Challenges in New Contexts. *The World Bank Research Observer, 24* (1), 1–28. https://doi.org/10.1093/wbro/lkp003

Eurofound. (2024). *Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection.* Research Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 86. https://doi.org/10.2806/350964

Jones, R. (2016). *Beyond Kafala: Remedying Human Rights Abuses of Migrant Workers in the Persian Gulf.* USA: The Bernard and Audre Rapoport Center for Human Rights and Justice at the University of Texas School of Law. https://law.utexas.edu/wp-content/uploads/sites/31/2016/11/Jones_Beyond-Kafala.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

Ponkratov, V. V., Bashkirova, N. N., & Ryabova, E. V. (2020). Comparative analysis of the main features of the professional income tax: Russian and foreign experience. *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research* (pp. 2382–2386). Atlantis Press. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.330

Ryabova, E. V., & Machekhin, V. A. (2022). Taxation of the Self-Employed in Russia: Potential Discrimination. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law Journal of the Higher School of Economics], 15* (3), 149–172. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.149.172

References

Anisimov, R. I. (2024). Dynamics of employment in Russia (2018 — mid-2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies],* (1), 73–84. https://doi.org/10.31857/S0132162524010078 (In Russ.)

Barmina, O. N., & Tatarinov, A. A. (2025). Self-employed citizens of Russia: Related problems in the sphere of labor and entrepreneurship. *Yurist [Jurist],* (1), 56–60. https://doi.org/10.18572/1812-3929-2025-1-56-60 (In Russ.)

Boziev, R. M. (2023). Tax on Self-Employed Income in the Republic of Belarus. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law], 18* (1), 172–182. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182 (In Russ.)

Dercon, S. (2009). Rural Poverty: Old Challenges in New Contexts. *The World Bank Research Observer, 24* (1), 1–28. https://doi.org/10.1093/wbro/lkp003

Dzyubak, A. V., & Chucha, S. Yu. (2024). Legal regulation of labour migration: prospects for the implementation of the eastern model. *Zakon [Statute],* (3), 27–37. https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37 (In Russ.)

Eurofound. (2024). *Self-employment in the EU: Job quality and developments in social protection.* Research Report. Publications Office of the European Union. https://doi.org/10.2806/350964

Goncharenko, L. I., & Advokatova, A. S. (2020). Professional income tax: Risks and potential. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law], 13* (5), 131–140. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-5-131-140 (In Russ.)

Grabova, O. N., & Suglobov, A. E. (2017). The problems of "de-shadowing" of self-employed people in Russia: Risks and coping mechanisms. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes & Law], 10* (6), 108–116. (In Russ.)

Ishchenko, N. G. (2024). Freedom of provision of services, freedom of establishment and freedom of movement of labor in the law of the Eurasian Economic Union. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii [International Law and International Organizations],* (3), 37–50. https://doi.org/10.7256/2454-0633.2024.3.33900 (In Russ.)

Jones, R. (2016). *Beyond Kafala: Remedying Human Rights Abuses of Migrant Workers in the Persian Gulf.* USA: The Bernard and Audre Rapoport Center for Human Rights and Justice at the University of

Texas School of Law. https://law.utexas.edu/wp-content/uploads/sites/31/2016/11/Jones_Beyond-Kafala.pdf (Date of access: 10.04.2025).

Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V., & Chaava, M. Z. (2022). International Protection of Migrant Workers Rights and Migration Legislation. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics], 16* (2), 84–94. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-84-94 (In Russ.)

Kostyuk, I. V. (2017). Employment and Self-Employment as Forms of Income-Generating Activities. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies],* (2(11)), 202–206. http://dx.doi.org/10.17816/RJLS18339 (In Russ.)

Kryukova, E. S., & Ruzanova, V. D. (2018). Individual entrepreneur and self-employed citizen: The notion of relations. *Zakony Rossii: Opyt, analiz, praktika [Russian Law: Experience, analysis, practice],* (3), 21–26. (In Russ.)

Kursova, O. A. (2021). Legal regulation methods of non-traditional employment: ILO guidelines and experience of foreign countries. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 7* (2), 106–121. https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-2-106-121 (In Russ.)

Makeev, P. A. (2018). Self-Employment in Russia: Theoretical Definition, Measurement and Legislative Regulation. *EKO [ECO],* (11), 148–157. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-11-148-157 (In Russ.)

Mitrofanova, I. V., & Chernova, O. A. (2022). Self-Employment as a Socio-Economic Phenomenon: Impact on Sustainability of Regional Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Journal of Volgograd State University. Economics], 24* (1), 55–67. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2022.1.6 (In Russ.)

Moseiko, V. V. (2024). International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Development Prospects. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics], 18* (2), 63–74. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-02-63-74 (In Russ.)

Moseiko, V. V., & Golovatskaja, V. S. (2025). Development of Self-Employed Institution in Kazakhstan and Russia. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics], 19* (1), 44–55. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-44-55 (In Russ.)

Pianova, M. V. (2022). Foreign experience of tax regulation of self-employment. *Nalogi i nalogooblozhenie [Taxes and taxation],* (2), 47–71. https://doi.org/10.7256/2454-065X.2022.2.37727 (In Russ.)

Pokida, A. N., & Zybunovskaya, N. V. (2019). Self-employment in contemporary labor market. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya [Social & labor research],* (3), 18–29. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2019-36-3-18-29 (In Russ.)

Poluyan, D. A. (2024). The entrepreneurial nature of the activities of the self-employed. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava [Journal of Entrepreneurship and Corporate Law],* (4(36)), 19–24. (In Russ.)

Ponkratov, V. V., Bashkirova, N. N., & Ryabova, E. V. (2020). Comparative analysis of the main features of the professional income tax: Russian and foreign experience. *Proceedings of the International Scientific Conference "Far East Con" (ISCFEC 2020). Advances in Economics, Business and Management Research* (pp. 2382–2386). Atlantis Press. https://doi.org/10.2991/aebmr.k.200312.330

Ponomareva, K. A. (2020). The Fundamental Freedoms and their Influence on Profit Taxation in EU and EAEU. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics],* (3), 185–206. (In Russ.)

Ryabova, E. V., & Machekhin, V. A. (2022). Taxation of the Self-Employed in Russia: Potential Discrimination. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law Journal of the Higher School of Economics], 15* (3), 149–172. https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.3.149.172

Sarakov, A. A. (2024). On the legal regulation of labor relations with self-employed countries participating in the EAEU. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [Civil service and personnel],* (2), 159–163. https://doi.org/10.24412/2312-0444-2024-2-159-163 (In Russ.)

Shevchuk, A. V. (2008). Self-Employment in the Information Economy: Main Types and Definitions. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology], 9*(1), 51–64. (In Russ.)

Tikhonova, A. V. (2021). Key issues of taxation of the self-employed in the CIS countries. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal], 13*(6), 81–97. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-6-81-97 (In Russ.)

Tsvetkov, V. V. (2025). The EU Initiative for Legal Regulation of Labor of Digital Platform Employees. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom [Labor Law in Russia and Abroad],* (1), 45–48. https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-1-45-48 (In Russ.)

Zabelina, O. V., & Sergeeva, M. V. (2023). International experience of self-employment legal regulation. *Ekonomika truda [Russian Journal of Labour Economics], 10*(3), 357–370. https://doi.org/10.18334/et.10.3.117229 (In Russ.)

Информация об авторе

Мосейко Виктория Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов, Калининградский государственный технический университет; https://orcid.org/0000-0001-8574-222X (Российская Федерация, 236039, г. Калининград, пер. Малый, д. 32; e-mail: vimoseiko@gmail.com).

About the author

Victoria V. Moseiko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Instrumental Methods, Kaliningrad State Technical University; https://orcid.org/0000-0001-8574-222X (32, Maly all., Kaliningrad, 236039, Russian Federation; e-mail: vimoseiko@gmail.com).

Дата поступления рукописи: 13.06.2025.
Прошла рецензирование: 14.07.2025.
Принято решение о публикации: 03.09.2025.
Received: 13 Jun 2025.
Reviewed: 14 Jul 2025.
Accepted: 03 Sep 2025.